

М.М.Родионова, Н.М.Смирнов
КОРАБЛЬ ТЕСЕЯ:
ТРАНСФОРМАЦИИ ПОНЯТИЯ НАСИЛИЯ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ
И СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

Мария Михайловна Родионова — магистр социологии, аспирант и ассистент кафедры анализа социальных институтов, стажер-исследователь Научно-учебной лаборатории политико-психологических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: mmrodionova@hse.ru.

Никита Максимович Смирнов — бакалавр политологии, стажер-исследователь Научно-учебной лаборатории политико-психологических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: nmsmirnov@edu.hse.ru.

Аннотация. В статье анализируется процесс трансформации понятия «насилие» в политической и социальной теории XX—XXI вв. Констатируя взрывной рост интереса к данному феномену при отсутствии внятной мета-теории, авторы пытаются проследить возможные основания для ее появления. С этой целью они выделяют две аналитические категории — «классическое» и «новое» насилие. Каждая из них рассматривается с точки зрения специфики действия, объекта и субъекта насилия, а также преобладающих моделей теоретического объяснения.

Подобное упрощение дает возможность идентифицировать преобразования, совершенные над категорией насилия: переход от наблюдаемого, принципиально фиксируемого действия к сокрытому; от государства, группы или человека как субъектов насилия — к безличной структуре; от фиксации опыта объекта — к его «потере»; от функционального объяснения насилия — к дисфункциональному. По заключению авторов, данные изменения в концептуализации насилия означают значительное расширение понятия и одновременное размывание его границ, что в конечном счете ведет к утрате его дискриминационной способности. Диагностируя переизобретение понятия, они обозначают три потенциальных выхода из ситуации: помыслить насилие как стабильный концепт, в котором меняются не конституирующие элементы, а их смысловое наполнение; интерпретировать новые концептуализации насилия как дополнения, не отменяющие предыдущих

положений; и, наконец, признать возможность сосуществования нескольких пониманий насилия.

Ключевые слова: насилие, власть, государство, социальная теория, политическая философия, концептуальный анализ, метатеория

Введение

¹ См., напр. Портелли 2005 о массовой казни в Ардеатинских пещерах.

² Имеется в виду замечание Адорно, что «после Освенцима поэзия уже невозможна» (Адорно 2003: 323).

³ О кризисе нормативного мышления о политике см., напр. Арендт 2013а: 87.

⁴ Арендт отмечает, что осмыслению подлежит не столько само насилие, сколько его предельная рационализация — «фабричное производство трупов» (Арендт 2013b: 15).

Минувшее столетие — век «торжества» насилия, предельно грубых и явленных манифестаций власти и господства — не только оставило болезненные воспоминания у конкретных свидетелей его ужасов¹, но и кардинально изменило осмысление насилия в социальных науках. И до эпохи мировых войн исследователи неоднократно подчеркивали неоднозначность и комплексность данного концепта, но теперь они оказались перед необходимостью *объяснить* то, что с трудом поддается даже *осознанию*. Перефразируя Теодора Адорно², вставший на повестку дня вопрос можно сформулировать следующим образом: как возможна философия после Освенцима? Ханна Арендт видит два альтернативных ответа на него: первый — констатировать собственное фиаско и необоснованность надежд на производство состоятельного теоретического объяснения насилия³; второй — признать, что единственная задача социальной теории (с рядом допущений) заключается в отстраненном «препарировании» событий, в том числе в высшей степени трагических, нахождении в истории мысли ключевых поворотов в их осмыслении⁴.

Начиная со второй половины XX в. фокус исследовательского внимания к феномену насилия неуклонно расширяется. Категории насилия, господства, принуждения, власти подвергаются постоянному переосмыслению. За последние полвека появился ряд новых аналитических и феноменологических моделей, претендующих если не на объяснение, то по крайней мере на описание в своих терминах все большего спектра социальных и политических отношений и дальнейшее маркирование их как насильственных. Импульс тотального насилия, который был дан социальным исследователям, не прошел бесследно: теоретический дискурс о насилии, каким мы видим его сегодня, вероятно широк, и едва ли в нем могут быть в полной мере прослежены представления классиков социальной, политической и философской мысли.

В настоящей статье предпринята попытка проследить и структурировать основные изменения в способах концептуализации насилия во второй половине XX — начале XXI в. Этот период выделен не случайно: именно на него, как мы постараемся показать ниже, приходится значительная часть преобразований категории «насилие» в дискурсе социальной и политической теории. Это влечет за собой закономерный вопрос, отсылающий к философскому парадоксу, вынесенному в название статьи. Согласно греческим мифам, корабль, на котором Тесей после своих героических подвигов вернулся в Афины, афиняне хранили

почти тысячу лет, заменяя ветшавшие доски новыми, что породило среди философов спор: осталось ли судно тем самым кораблем Тесея или превратилось в нечто новое?⁵ Применительно к интересующей нас теме соответствующий вопрос будет звучать так: остается ли понятие насилия, несмотря на все его теоретические модификации, тем же или становится чем-то совершенно иным?

Актуальность поставленной задачи подтверждается взрывным ростом интереса к концепту насилия и его научной рефлексии при отсутствии сколько-нибудь последовательной метатеории. Недостаток концептуализации отчетливо ощущается и в эмпирических исследованиях, в связи с чем некоторые авторы предлагают ввести в научный оборот определения насилия, базирующиеся на обыденном его толковании⁶.

XXI век, ознаменовавшийся одной из крупнейших террористических атак в истории человечества⁷ и открывший возможности для ведения войн без участия человека⁸, обострил стоящую перед исследователями проблему. Формы проявления насилия и того, в чем оно лишь отчасти угадывается, стремительно меняются. Вслед за ними меняются способы описания и объяснения феномена. Без фиксации этих изменений и реконструкции существующих подходов теоретически обоснованная и внятная концептуализация насилия представляется нам невозможной.

Однако прежде чем приступить к решению обозначенной выше задачи, следует зафиксировать несколько важных концептуальных ограничений, присущих настоящей работе. Исследователи, размышляющие о насилии (violence), зачастую используют синонимичные термины: «принуждение» (coercion), «сила» (force), «нарушение» (violation), «власть» или «господство» (power/authority), что ведет к возрастанию степени неоднозначности концепта⁹. Разграничение данных понятий и определение их смысловых рамок потребовало бы отдельных теоретических усилий. Следует согласиться, что *такое разграничение возможно лишь на аналитическом уровне*¹⁰. Более того, некоторые авторы особо подчеркивают, что современный дискурс о насилии тесно переплетен с дискурсами власти и господства¹¹. Соответственно, проводя ревизию понятия «насилие», мы будем вынужденно обращаться и к другим связанным с ним концептам.

Логика предлагаемой систематизации определяется элементами, так или иначе сопутствующими всем теоретическим интерпретациям насилия. Среди таких элементов — специфика действия, объект и субъект насилия, а также модели его объяснения¹². С этим связано еще одно ограничение: мы презюмируем, что категория насилия принципиально сводима к ряду характеристик и с течением времени меняется лишь их смысловое наполнение. Разумеется, рассмотренный нами список характеристик далеко не исчерпывающий: могут быть выделены и другие конституирующие элементы понятия «насилие», претерпевшие не менее значимые изменения¹³.

⁵ *Plutarch, Theseus: 23.1.*

⁶ См., напр. *Rucht 2003: 369.*

⁷ *Жан Бодрийяр описывает теракт 11 сентября 2001 г. как переломный момент в современной истории, требующий выработки новых объяснительных моделей (Бодрийяр 2016: 181).*

⁸ См., напр. *DeLanda 1992.*

⁹ *Naan 2008: 27–28.*

¹⁰ *Jones 2010: 27; Арендт 2014.*

¹¹ См., напр. *Ледаев 2001.*

¹² *О выделении действия, субъекта и объекта насилия как конституирующих элементов понятия см., напр. Galtung 1969: 169; Imbusch 2003.*

¹³ *Некоторые из них обсуждаются нами в заключительной части статьи.*

Наконец, в процессе теоретической систематизации мы выделяем «классическое» и «новое» понимание насилия и рассматриваем авторов, близких к тому или иному подходу. Будучи в значительной степени аналитическим упрощением, это разделение носит *предельно условный характер*: обозначить четкие временные границы перехода от одной традиции к другой практически невозможно. Это протяженный во времени процесс, охватывающий, вероятно, большую часть прошлого столетия.

**Действие:
от наблюдаемого
к сокрытому**

По ряду причин классические авторы фокусировали внимание на наблюдаемом и фиксируемом насилии. Свойственное им понимание насилия практически всегда включает в себя физическое измерение. Особенно отчетливо овеществление насилия просматривается в работах Джона Дьюи, квалифицировавшего насилие как «использование физической силы, влекущее за собой вред»¹⁴. Представление о вещественной природе насилия сопутствует концептуализациям данного феномена на протяжении всего классического этапа его осмысления.

¹⁴ Dewey 1916: 361.

Для Томаса Гоббса видимость насилия принципиальна ввиду его базовой функции: именно потому, что насилие наблюдаемо, перманентно испытывающие страх люди нуждаются в Левиафане. Явственность актов взаимной агрессии порождает состояние страха и неуверенности, предшествующие манифестации насилия влекут за собой ожидание его в будущем: «понятие сырой погоды заключается не в одном или двух дождях, а в *ожидании этого в течение многих дней подряд* (курсив наш — *авт.*)»¹⁵. Как исключительно вещественный акт рассматривает насилие и Джон Локк. Оно конструируется в связке с неотчуждаемым правом на ретрибуцию: возможность привести в исполнение закон природы и наказать насильника базируется на принципиальной возможности фиксации трансгрессии последнего¹⁶. В любом другом случае акты насилия описываются как присущие «хищным зверям, опасным и вредным существам, которые несомненно уничтожат человека, как только он окажется в их власти»¹⁷. Представления Локка о ретрибуции разделяют и более поздние теоретики. Либертарианская традиция нуждается в определении насилия как видимого действия: жесткая формулировка принципа неагрессии предполагает категорическую и верифицируемую наблюдаемость насилия. Это принципиально, поскольку «сила может применяться только для возмездия и только в отношении тех, кто инициировал применение силы»¹⁸. Очевидно, что приверженцам подобной линии аргументации чужда идея расширения категории насилия.

¹⁵ Гоббс б.г.: 87.

¹⁶ Локк б.г.: 4.

¹⁷ Там же: 10.

¹⁸ Rand 1986: 37.

Описывая классический этап истории понятия, Мишель Фуко указывает, что насилие является актом, цель которого быть продемонстрированным, увиденным и маркированным как насилие¹⁹. По его заключению, в классическую эпоху насилие не просто стремилось быть публичным, но и экспоненциально увеличивало степень собственной

¹⁹ Фуко 2004: 110.

публичности. Насилие в приватной сфере зачастую игнорировалось или кодировалось классическими исследователями иначе²⁰.

Принципиальное изменение в понимании насилия связано со структуралистским направлением в социальной теории, особенно в части «поворота к структуре», осуществленного преимущественно левыми теоретиками. Можно зафиксировать два радикальных преобразования: (1) видимое ранее насилие старается скрыть себя, не исчезая, и (2) насилие может быть принципиально ненаблюдаемым.

Первое теоретическое преобразование обусловлено тем, что насилие покидает сферу публичного²¹. На смену средневековым казням на площадях, воплощающим волю тирана, приходит стыд перед насилием: оно больше не хочет быть видимым, пряча электрические стулья и смертельные инъекции за железными дверями. Насилие находит новый локус — локус закрытых тотальных институций (в терминах Ирвинга Гофмана²²), разворачиваясь теперь в тюрьмах²³, армейских подразделениях²⁴, психиатрических больницах²⁵. Но, несмотря на отказ от публичности, оно не теряет в своей интенсивности. Это преобразование интуитивно: насилие, понимаемое как физическое действие, еще поддается принципиальной фиксации, оно по-прежнему вещественно, пусть и скрыто от широкой публики.

Гораздо менее тривиально второе преобразование, предлагаемое структуралистами: насилие может быть невещественным. Согласно Ньютону Гарверу, насилие, трактуемое как сила, является явным (overt), тогда как насилие, рассматриваемое как нарушение прав человека, — завуалированным (covert)²⁶. Этот угол зрения становится возможным, если признать, что объектом, на который направлено насилие, может быть не только физическое тело, но и мировоззрение, жизненные шансы и многое другое, не имеющее непосредственного физического воплощения. (Отметим, что на расширение категории насилия вследствие предложенной им концептуализации обращает внимание и сам Гарвер²⁷.) В свою очередь Йохан Галтунг говорит о структурном насилии, которое определяется в том числе как «разница между актуальной и потенциальной реализацией»²⁸. По мнению Галтунга, насилие — это не только уменьшение уже имеющихся благ, но и их недополучение, вызванное структурным неравенством. Хотя структурное насилие и не поддается визуальной фиксации, оно ведет ровно к тем же последствиям, что и прямое (direct), то есть физическое, насилие²⁹.

Число выделяемых исследователями типов насилия, принципиально не имеющих прямого физического воплощения, неуклонно растет — системное, культурное, символическое³⁰ и иные «насилия с прилагательными»³¹. Ни одно из них не способно манифестировать себя в классическом понимании³². Причиной подобного изменения представляется наложение двух тенденций: снижение объемов классического, эксплицитного насилия после его всплеска в середине XX в.³³, с одной стороны, и новый виток в развитии эмансипаторного проекта³⁴, обостривший восприятие насилия, — с другой.

²⁰ Так, в работах Георга Зиммеля (*Simmel 2010*) и Льюиса Козера (*Козер 2000*) то, что современные исследователи называли бы насилием, как правило, именовалось конфликтом.

²¹ Фуко 1999: 106.

²² Goffman 1968.

²³ См. Ellis, Grasmick, and Gilman 1974.

²⁴ См. Мулява и Вапилин 2005.

²⁵ См. Goffman 1968.

²⁶ Garver 1973: 258.

²⁷ Ibidem.

²⁸ Galtung 1969: 168—169.

²⁹ Ibid.: 171.

³⁰ См., напр. Bourdieu 1979; Жижек 2010.

³¹ В данном случае мы отталкиваемся от метафоры демократии с прилагательными, призванной подчеркнуть расширение категории и сопутствующие проблемы конструктивной валидности (см. Collier and Levitsky 1997: 430—431).

³² Об этом изменении в концептуализации насилия см., напр. Vufacchi 2005.

³³ Pinker 2011.

³⁴ Habermas 1996.

**Субъект насилия:
от государства,
группы
и человека
к безличной
структуре**

³⁵ Необходимо отметить, что в этом случае агентность государства трактуется в духе теории корпораций. Об истоках данного подхода см. Канторович 2015.

³⁶ Шмитт 1992. Шмитт — яркий пример сдвига концептуальной рамки в рассуждениях одного автора: в «Теории партизана» государствоцентризм сменяется анализом роли негосударственных некомбатантов в вооруженных конфликтах (Шмитт 2007).

³⁷ Nozick 2001: 12—13.

³⁸ Маркс 1952: 754.

³⁹ Tilly 2001: 267.

⁴⁰ Фуко 1999.

⁴¹ Бурдьё 1993: 149.

⁴² См., напр. Војанић 2016.

Классическое понимание насилия как непременно связанного с наблюдаемым физическим воплощением не может существовать без актора, совершающего насильственное действие. Насилие может быть атрибутировано только конкретным субъектам. Важнейшим из них выступает государство³⁵, при том что в качестве субъектов насилия могут рассматриваться и другие поддающиеся фиксации акторы — социальный класс, социальное движение и, конечно, отдельный человек.

Взгляд на государство как на единственный или, во всяком случае, основной субъект насилия четко просматривается в ранних работах Карла Шмитта: будучи юридическим оформлением политически организованного народа, оно оказывается единственным субъектом действия, в том числе насильственного. Именно войны и прямые вооруженные столкновения между государствами воплощают собой политическое³⁶. Развивая мысль Гоббса о государстве как монополизаторе дисперсного насилия, Роберт Нозик формулирует ее в других терминах. Генезис государства он связывает с конкуренцией «охранных агентств», одно из которых со временем начинает доминировать и превращается в государство в сегодняшнем понимании, присваивая себе исключительное право на насильственное обеспечение социального порядка³⁷. Разумеется, классические авторы признают возможность осуществления насилия человеком, но в их конструкциях отторжение этой возможности в пользу коллективного актора и монополизация им права на насилие имеет первостепенное значение.

Субъектом насилия, как уже упоминалось, может быть и социальный класс: например, в теории Карла Маркса обращение «класса-для-себя» к насилию трактуется как крайняя форма манифестации социального конфликта³⁸. Примечательна в этом плане и позиция Чарльза Тилли, характеризующего насилие как «результат, по крайней мере частичный, координации между лицами, которые совершают наносящие ущерб действия (damaging acts)»³⁹. Суммируя, можно констатировать, что для классического подхода принципиальна идентифицируемость субъекта: только действие, которое может быть атрибутировано конкретному актору, маркируется как насилие.

Новое поколение теоретиков насилия ставит этот постулат под сомнение. Так, Фуко рассматривает власть как существующую автономно от субъекта; более того, в его понимании не власть является производной от субъекта, а политический субъект конструируется властью⁴⁰. Тот же поворот мы наблюдаем в рассуждениях Пьера Бурдьё: с одной стороны, субъект, отвечающий тем или иным коллективно разделяемым представлениям, наделяется символической властью; с другой стороны, именно символическая власть «способна создавать новые группы, манипулируя объективной структурой общества»⁴¹.

Подобная логика может быть распространена и на насилие⁴². Если раньше насилие выступало продолжением политики, монопольным правом Левиафана, иными словами, следовало за субъектом, то

теперь оно само конституирует и оформляет субъект, то есть *предшествует* ему. Одним из современных примеров этого служат террористические организации, обретающие политические права и субъектность в результате совершаемого ими насилия⁴³. На международной арене появляется множество негосударственных акторов, воля которых принимается во внимание, что было невообразимо в предшествующие эпохи⁴⁴.

⁴³ *О субъектности террористических организаций см., напр. Вайс и Хасан 2016.*

⁴⁴ *Куманьков 2020: 23.*

⁴⁵ *Институты здесь понимаются предельно широко (см., напр. Савицки 2005: 304).*

⁴⁶ *См., напр. Elster et al. 1998; Acemoglu and Robinson 2012; Young 2020.*

⁴⁷ *Galtung 1990: 297.*

⁴⁸ *Sorensen 2014.*

⁴⁹ *Конечно, установление конкретного субъекта (в случае, например, подсыпания яда или распространения анонимных листовок) возможно далеко не всегда, но он обязательно физически воплощен, а его действие — интенционально.*

Это не единственная оптика, с помощью которой происходит своеобразное «вымывание» субъекта из концептуального определения насилия. Расширение понятия насилия до несовпадения между актуальным и потенциальным приводит к появлению в дискурсивном аппарате политической и социальной теории нового актора — институционализированной безличной структуры. Субъектом насилия, таким образом, признаются в том числе институты подавления потенциала человека⁴⁵. Структуралистский подход к пониманию насилия предполагает, что, возникнув однажды, несправедливое распределение ресурсов пронизывает систему насквозь и в дальнейшем воспроизводится, усугубляя положение угнетаемых индивидов и групп⁴⁶. Среди проявлений структурного насилия Галтунг упоминает расизм, национализм, империализм, сексизм, классицизм, элитизм и др.⁴⁷ Они воспроизводят угнетение, которое принимает форму как скрытого систематического притеснения, так и явных манифестаций насилия. Во втором случае за осязаемым актом насилия стоит структурный фактор, а за конкретным субъектом — безличная структура.

Суть совершенных над категорией «насилие» преобразований, связанных с ролью действующего субъекта, изящно суммирует Матиас Серенсен. Сравнивая концепции Фуко и Галтунга, он приходит к выводу, что в рамках нового понимания насилия речь идет о «пропавшем» субъекте (missing subject)⁴⁸: видимые, а значит, привычные акторы сменяются безличной, неосязаемой структурой. В этой логике безличность обеспечивает своего рода преимущество: каким бы сильным ни было стремление побороть подобные структуры, это невозможно, пока они остаются в тени.

Итак, насилие, понимаемое классически, может совершать человек, организованная группа людей или специфическое, но все еще предельно конкретное и осязаемое политическое образование — государство. Атрибуция насилия коллективному или индивидуальному субъекту тесно связана с его видимостью: если насилие трактуется как вещественное действие, его субъект с необходимостью осязаем⁴⁹. Новый взгляд на насилие отказывается от презумпции принципиальной идентифицируемости субъекта с помощью двух преобразований: с одной стороны, указывая, что насилие предшествует субъекту, конституирует его; с другой — выделяя обезличенную структуру и пространства символической власти, не наделенные непосредственной агентностью.

**Объект насилия:
от фиксации
опыта к потере
объекта**

В первом приближении кажется интуитивно понятным, что насилие, доступное для фиксации сторонним наблюдателем, должно быть распознаваемо и тем, на кого оно направлено. Иными словами, объект насилия, даже не владеющий соответствующим категориальным аппаратом, но имеющий представление о насилии, способен оценить совершенное над ним действие как насильственное. В классической традиции это положение является необходимым критерием в определении понятия «насилие».

Либертарианская традиция оперирует категорией агрессивного насилия, презюмируя не только вещественный характер действия, о чем говорилось выше, но и важность его восприятия субъектом и объектом. Мюррей Ротбард подчеркивает, что агрессивное насилие по определению неконсенсуально⁵⁰: действия боксеров на ринге принципиально отличаются от действий маньяка и его жертвы, несмотря на внешнее сходство. Насилие конституируется рефлексией объекта — этот тезис восходит к принципу индивидуального суверенитета, или самопринадлежности (self-ownership), то есть права человека на телесную неприкосновенность и безраздельное распоряжение своим телом и жизнью⁵¹.

⁵⁰ Rothbard 2003.

⁵¹ Ibid.: 60.

В новом понимании насилия мы находим альтернативное позиционирование объекта в идентификации соответствующего акта. В XX в. субъективное переживание жертвы проблематизируется, особенно после тщательной рефлексии Арендт нацистских преступлений⁵². Насколько полным может быть представление о насилии, сформированное теми, кто остался в живых? И как может быть осмыслено фатальное насилие, жертва которого мертва и потому безмолвна?

⁵² Арендт 2004.

Сторонники нового взгляда на насилие задаются вопросом: может ли считаться насилием действие, которое не зафиксировано объектом в качестве такового? Этот вопрос тесно связан с категорией структуры, с одной стороны, и идеологическим насилием — с другой. Представление о том, что если нечто переживается объектом как насилие, то это является насилием, сохраняется, но обратная логика ставится под сомнение: то обстоятельство, что объект не воспринимает направленное на него действие как насилие, само по себе не легитимирует его⁵³.

⁵³ См., напр. Jacoby 2015.

(Не)насильственность опривыченных практик, воспринимающихся в локальных культурах как должное, проблематизируется феминистской и постколониальной теорией. Классический принцип расширения эмансипации сталкивается с серьезным теоретическим вызовом, когда объект не выказывает желания эмансипироваться. Последовательное развитие данной установки неизбежно предполагает дегуманизацию объекта: от него, по крайней мере на концептуальном уровне, отчуждается право вынесения нормативного суждения о собственном положении. Согласие же с объектом приводит к признанию практик угнетения легитимными. Одна из наиболее острых дискуссий на эту тему разворачивается в исламском феминизме⁵⁴. С одной стороны, никаб, хиджаб и паранджа — символы угнетения женщины и закрепления

⁵⁴ Seedat 2013.

патриархального порядка; с другой стороны, постколониальная теория настаивает на необходимости уважения к незападным культурам, недопустимости рассмотрения их в качестве «закостенелых» и нуждающихся во внешних импульсах к развитию. Дилемма предельно нетривиальна: дегуманизировать и принудительно освободить (*sic!*) объект от насилия или признать, что его воля имеет значение, тем самым легитимируя угнетение.

В классическом понимании насилия подразумевается, что объект фиксирует свой опыт ровно так же, как это делают сторонние наблюдатели, и может о нем рассказать. Новая логика ставит под вопрос субъектность человека и его способность отрефлексировать совершаемое над ним насилие. Изменение оптики рассмотрения насилия приводит к «потере» объекта в контексте опрессивных структур: они не только подавляют потенциал человека, но и лишают его способности осознать это подавление. Перефразируя Серенсена, можно констатировать «исчезновение» объекта в современном понимании насилия.

**Модель
объяснения
насилия:
от функций
к дисфункциям**

⁵⁵ Merton 1968.

⁵⁶ Козер 2000.

⁵⁷ Dahrendorf 1958.

⁵⁸ Simmel 2010.

⁵⁹ Scheler 1916.

⁶⁰ Clausewitz 1989.

⁶¹ См., напр. Sharp 1973, 1985.

Вслед за концептуализацией способов манифестации насилия, субъекта и объекта действия меняется и преобладающая в аппарате социальной теории модель его объяснения. Для классического понимания феномена характерно указание на его функциональность, то есть на вклад насилия в поддержание социального порядка⁵⁵. При этом представления о содержании функции насилия разнятся: например, Льюис Козер видит в насилии инструмент канализации враждебных импульсов⁵⁶, тогда как Ральф Дарендорф полагает, что открытые формы противостояния протекают менее интенсивно⁵⁷. Исследователи отмечают парадоксальную природу насилия: разобщая враждующие стороны, оно вместе с тем служит основанием для групповой сплоченности внутри каждой из них⁵⁸, выступает формирующей силой их общности⁵⁹.

Вне зависимости от того, какая именно функция приписывается насилию, оно (и как единичный акт, и как растянутый во времени процесс) представляется лишь средством достижения цели. Истолкованное в духе политического реализма, оно продолжает политику другими средствами⁶⁰, будучи одним из ресурсов власти, установления воли или господства. При этом насилие не наделяется этическим измерением, автономным от реализующего его субъекта и обозначенных им целей. Сходная логика просматривается и в установках классического утилитаризма: до тех пор, пока издержки от применения насилия не превышают получаемых выгод, оно может считаться функциональным и даже необходимым, а значит — заслуживающим одобрения. Примечательно, что в некоторых случаях критика насилия также остается в инструментальной плоскости, делая акцент скорее на его неэффективности как средства, нежели на недопустимости⁶¹.

Переход к новой модели объяснения насилия, указывающей на его дисфункциональность, обозначается тогда, когда осознается собственное этическое измерение насилия и оно перестает рассматриваться

⁶² Арендт 2014:
39—40.

⁶³ Хабермас 2007.

как средство, подвергаясь критике *per se*. В первую очередь речь идет об отказе от интерпретации насилия как продолжения политики. «Там, где начинается насилие, политика признает свою несостоятельность»⁶², — подчеркивает Арендт; более того, как показывает Юрген Хабермас, ставя участников открытого политического обсуждения в неравное положение, оно делает коммуникативное действие в принципе невозможным⁶³. Таким образом, если в рамках классического понимания насилия оно трактуется как инструмент формирования государства, то новый подход констатирует обратное: насилие, формирующее общность, исключает свободное общение и участие в политическом процессе.

⁶⁴ Агамбен 2012:
164.

⁶⁵ Агамбен 2011:
162.

Другое направление критики насилия как механизма поддержания социального порядка связано с именем Джорджо Агамбена. Проблематизируя целесообразность монополизации насилия государством, Агамбен утверждает, что сосредоточение в руках современных государств инструментов насилия лишает человека его субъектности. Девиз суверенной власти в ее биополитическом изводе — «заставить жить и позволить умереть» (курсив наш — авт.)⁶⁴. Подобная установка проявляется в том числе в тщательном документировании жизни человека путем выдачи свидетельств о рождении и смерти, в необходимости согласовывать с государством возможность эвтаназии, в принудительных медицинских осмотрах⁶⁵. Насилие есть интервенция государства в личное, прикрываемая заботой о гражданах. Как следствие, естественные права теперь предоставляются и гарантируются государством. По мнению Агамбена, современное либеральное государство на деле воспроизводит *modus operandi* концентрационного лагеря.

Резюмируя, можно констатировать, что в рамках классического понимания насилия оно рассматривается преимущественно в функционалистской оптике, то есть с точки зрения его роли в поддержании системы в целом, и осмысливается как этически нейтральный инструмент, эффективный или неэффективный, но всегда остающийся не более чем средством достижения цели. В свою очередь новое понимание связывает этическое измерение насилия с политическим, что позволяет признать его дисфункциональным и, в пределе, не конструирующим социальный порядок, а уничтожающим основания, на которых тот может быть выстроен. Альтернативная ветвь критики сосредоточена на дискурсе заботы и необходимости опривыченного насилия для поддержания социального благополучия.

Заключительные размышления о направлениях трансформации понятия насилия

Предпринятая в настоящей статье попытка каталогизировать множественные и неколлинеарные изменения в концептуализации насилия может показаться заведомо обреченной на провал. И не только из-за отсутствия в аппарате социальной теории внятного и консистентного определения, использования большого числа синонимичных и квазисинонимичных слов или сущностной оспариваемости понятия, но и потому, что теоретической ревизии понятия «насилие» неизбежно предшествует ряд аналитических упрощений.

Для нас таким упрощением стала антитеза «классическое — новое». Она уязвима для критики по многим основаниям. Пожалуй, самое важное из них заключается в отсутствии единого классического понимания насилия: ни одна концептуализация не стала действительно классической, каждый аспект определения многократно оспаривался и переосмыслился. На первый взгляд, приемлемой альтернативой могло бы стать противопоставление «старого» и «нового», однако данные понятия, во-первых, излишне ценностно окрашены (старое как отжившее, новое как безусловно прогрессивное), а во-вторых, предполагают содержательную замену, исключающую сосуществование различных концептуализаций. Но школы мысли не сменяют друг друга ни темпорально, ни историософски. Они существуют параллельно, причем иногда в построениях одного автора и даже в рамках одного текста. Более того, поздние авторы не отрицают ранних, но предлагают теоретическую надстройку над их рассуждениями, не отвергая, а дополняя их.

При всей своей условности антитеза «классическое — новое» позволяет проследить основные *направления трансформаций* понятия «насилие» (не претендуя, естественно, на их всеобъемлющее аналитическое рассмотрение). Обзор таких трансформаций представлен в *табл. 1*.

Таблица 1 Направления трансформаций понятия «насилие» в социальной и политической теории

<i>Линия сравнения</i>	<i>«Классическое» насилие</i>	<i>«Новое» насилие</i>
Специфика действия	Предельно публичный и принципиально наблюдаемый акт направленного и вещественного приложения воли	Ненаблюдаемые и нефиксируемые спорадические и/или системные проявления опрессии, в том числе невещественной
Субъект насилия	Конкретный и осязаемый актор (человек, холистическая общность или государство)	Неопределяемая и бес-субъектная структура или субъект, конструируемый насилием и не существующий до него
Объект насилия	Осознает происходящее и в состоянии маркировать совершаемые действия как насильственные	Может не осознавать творимое насилие вследствие системного подавления и не всегда стремится избавиться от него
Модели объяснения	Насилие как инструмент создания и поддержания социального порядка, канализации агрессивных человеческих импульсов и сила, формирующая общность	Насилие как разрушитель политики, углубляющий диссоциацию, а также насилие, прикрывающееся добрыми побуждениями

Приведенный в таблице перечень трансформаций, разумеется, может быть расширен и уточнен. Исследовательского внимания, на наш взгляд, заслуживают еще как минимум два направления преобразований. Первое из них касается масштабирования теоретического рассмотрения насилия, второе — методов его эмпирического изучения.

Масштабирование теоретического рассмотрения насилия.

Классическое осмысление насилия представлено прежде всего его онтологией и антропологией: анализируются основания насилия, оно нередко связывается с представлениями о природе человека⁶⁶. С переходом к новому этапу концептуализации заявляет о себе подход, претендующий на феноменологическое объяснение насилия. В ракурсе философии насилия оказывается тесно связанным с фигурами субъекта и Другого⁶⁷. Вместе с тем формируется теоретическая рамка для осмысления насилия на микроуровне, учитывающая сопряженные с ним эмоции, способы разрешения конфронтационного напряжения и микро-техники насилия⁶⁸.

⁶⁶ См., напр. Тертуллиан 1994: 222.

⁶⁷ См., напр. Левинас 2000; Деррида 2004; Жирар 2010.

⁶⁸ Collins 2009.

Методы изучения насилия. Функциональная модель объяснения насилия, характерная для классического этапа его осмысления и близкая к позитивизму, диктует использование формализованных методов — опросов, экспериментов, сравнительных количественных исследований. Несмотря на стремительное развитие антропологических, качественных подходов к изучению насилия⁶⁹, эмпирический фронт по-прежнему формируют межстрановые и популяционные исследования, претендующие на выявление статистических закономерностей.

⁶⁹ Которые используются, однако, преимущественно в социологии и в основном применительно к индивидуальному уровню проявления насилия (см., напр. Borochowitz and Eisikovits 2002; Allen and Piercy 2005).

Способы концептуализации насилия с течением времени меняются, порой кардинально. Это, в свою очередь, порождает вопрос: является ли понимаемое таким образом насилие все еще насилием, или же оно теперь нечто другое? В поисках ответа на этот вопрос продуктивной метафорой, как нам кажется, может послужить парадокс Тесея, сводящийся к антиномии формы и сути (form and identity). Мы полагаем, что, в зависимости от взгляда на проблему концептуализации насилия, возможны как минимум три версии развития этой метафоры.

Первая — это отрицание самого факта перестройки «корабля», то есть сущностных преобразований категории насилия. Действительно, мы видим, что при любом способе концептуализации там всегда присутствует указание на само действие, его субъект и объект. Иными словами, конституирующие элементы понятия сохраняются, а значит, понятие насилия остается прежним.

Вторая версия подразумевает, что с «кораблем» все-таки производятся своеобразные манипуляции: в него добавляются новые элементы, однако при этом не убираются и «старые доски». Таким образом, понятие насилия становится все более и более комплексным и многогранным, сочетая в себе самые разные концептуализации. Это размывает границы понятия и создает многочисленные препятствия при операционализации феномена. Возвращаясь к выбранной метафоре, можно осторожно заметить, что добавление к старой конструкции новых эле-

ментов без необходимых, пусть и болезненных замен ведет к неизбежному потоплению корабля.

⁷⁰ См. Hobbes 1839: 11.

Третья версия предполагает собственно развитие метафоры. Да, все доски, составлявшие «корабль», были со временем заменены, но что если они бережно хранились и сейчас их ровно столько, сколько требуется для постройки еще одного «корабля» (или даже нескольких)⁷⁰? Тогда возникает новый вопрос: какой из «кораблей» (пониманий насилия) следует считать исходным, оригинальным? С одной стороны, элементы, присущие классическому этапу концептуализации насилия, частично просматриваются в концепте агрессии, активно используемом в психологии. С другой стороны, в теоретической «гавани» теперь представлено множество «кораблей», и понимание насилия часто зависит от сферы, в которой то исследуется (насилие в спорте, домашнее насилие, стихийное политическое насилие и т.д.). При скрупулезном и вдумчивом использовании соответствующих субкатегорий проблема снимается, но велика опасность забыть о необходимости сужения понятия, что чревато дальнейшей хаотизацией категориального аппарата и «потерей» концепта насилия *per se*: общая категория начинает восприниматься как чрезмерно наполненная, рассматриваясь лишь в рамках теоретического дискурса, который остается герметичным.

* * *

Представленный выше анализ есть попытка выделить магистральные изменения, которые социальные теоретики, иногда последовательно, а иногда сумбурно, вносили в способ осмысления насилия. Озаботившись рефлексией произошедших в XX в. трагических событий, политическая теория расширила границы того, что может называться насилием, и тем самым, возможно, совершила фатальную ошибку. Внося коррективы и уточнения, расширяя классификации, она (с рядом оговорок) изобрела понятие насилия заново. Мы видим радикальные расширения дефиниций, с которыми утрачивается определенность и четкость концепта: последовательно преобразуется и «теряется» субъект, а затем и «осязаемость» объекта, принципиальная фиксируемость самого акта насилия.

В итоге сегодня исследователи сталкиваются с тем, что категория насилия, столь прочно обосновавшаяся в дискурсе, лишается дискриминационной способности: пока насилием может быть названо едва ли не все, насилием как сущностной характеристикой не обладает ничто.

Библиография

- Агамбен Дж. (2011) *Ното Сасер: Суверенная власть и голая жизнь*. М.: Европа.
- Агамбен Дж. (2012) *Ното Сасер: Что остается после Освенцима: Архив и свидетель*. М.: Европа.
- Адорно Т.В. (2003) *Негативная диалектика*. М.: Научный мир.

Арендт Х. (2004) *Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме*. М.: Европа.

Арендт Х. (2013а) «Некоторые вопросы моральной философии» // Арендт Х. *Ответственность и суждение*. М.: Изд-во Института Гайдара: 83—204.

Арендт Х. (2013b) «Разговор с Гюнтером Гаусом. Телевизионное интервью. Октябрь 1964 г.» // *Социологическое обозрение*, т. 12, № 1: 3—23. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2013/06/04/1285381021/Soc-Oboz_12_1_01_Arendt.pdf (проверено 23.02.2022).

Арендт Х. (2014) *О насилии*. М.: Новое издательство.

Бодрийяр Ж. (2016) *Дух терроризма. Войны в заливе не было*. М.: Рипол классик.

Бурдые П. (1993) «Социальное пространство и символическая власть» // *THESIS*, вып. 2: 137—150. URL: https://www.hse.ru/data/157/314/1234/2_2_3Bourd.pdf (проверено 23.02.2022).

Вайс М. и Х.Хасан. (2016) *Исламское государство**: Армия террора. М.: Альпина нон-фикшн.

Гоббс Т. *Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского*. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs_Leviafan.pdf (проверено 01.11.2021).

Деррида Ж. (2004) «Насилие и метафизика» // Левинас Э. *Избранное: Трудная свобода*. М.: РОССПЭН: 663—732. URL: http://www.vixri.ru/d3/Levinas%20E.%20%20_Trudnaja%20svoboda.pdf (проверено 23.02.2022).

Жижек С. (2010) *О насилии*. М.: Европа.

Жирар Р. (2010) *Насилие и священное*. М.: Новое литературное обозрение.

Канторович Э.Х. (2015) *Два тела короля: Исследование по средневековой политической теологии*. М.: Изд-во Института Гайдара.

Козер Л. (2000) *Функции социального конфликта*. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги.

Куманьков А. (2020) *Война в XXI веке*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Левинас Э. (2000) *Избранное: Тотальность и бесконечное*. М., СПб.: Университетская книга.

Ледяев В.Г. (2001) *Власть: концептуальный анализ*. М.: РОССПЭН.

Локк Дж. *Два трактата о правлении*. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Lokk_Traktaty_2.pdf (проверено 24.10.2021).

Маркс К. (1952) *Капитал: Критика политической экономии*. Т. 1. М.: Государственное изд-во политической литературы. URL: https://istmat.info/files/uploads/59307/k_marks_kapital_tom_1_1952_g.pdf (проверено 23.02.2022).

Мулява О.Д. и Е.Г.Вапилин. (2005) «Рукоприкладство в армии» // *Социологические исследования*, № 11: 53—62. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/285/937/1216/005.VAPILIN.pdf> (проверено 24.10.2021).

* Решением Верховного суда РФ от 29 декабря 2014 г. «Исламское государство» признано террористической организацией, деятельность которой в РФ запрещена.

Портелли А. (2005) «Массовая казнь в Ардеатинских пещерах: история, миф, ритуал, символ» // *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*, № 2—3 (40—41): 243—251.

Савицки Я. (2005) «Фуко и феминизм: к политике „различия“» // Шенли М.Л. и К.Пейтмен, ред. *Феминистская критика и ревизия истории политической философии*. М.: РОССПЭН: 297—315.

Тертуллиан К.С.Ф. (1994) *Избранные сочинения*. М.: Прогресс.

Фуко М. (1999). *Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы*. М.: Ad Marginem.

Фуко М. (2004) *Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974—1975 учебном году*. СПб.: Наука. URL: <http://library.khpg.org/files/docs/1456766931.pdf> (проверено 23.02.2022).

Хабермас Ю. (2007) «Теория коммуникативного действия (фрагменты)» // *Вопросы социальной теории*, т. 1, вып. 1: 229—245. URL: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/vst/2007/habermas_2.pdf (проверено 23.02.2022).

Шмитт К. (1992) «Понятие политического» // *Вопросы социологии*, т. 1, № 1: 35—67.

Шмитт К. (2007) *Теория партизана*. М.: Праксис. URL: <http://library.khpg.org/files/docs/1465130651.pdf> (проверено 23.02.2022).

Acemoglu D. and J.A.Robinson. (2012) *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity and Poverty*. New York: Crown.

Allen K.R. and F.P.Piercy. (2005) «Feminist Autoethnography» // Piercy F.P. and H.S.Douglas, eds. *Research Methods in Family Therapy*. Vol. 2. New York: Guilford Press: 155—169.

Bojanić P. (2016) *Violence et messianisme*. Milano: Mimésis.

Borochowitz D.Y. and Z.Eisikovits. (2002) «To Love Violently: Strategies for Reconciling Love and Violence» // *Violence against Women*, vol. 8, no. 4: 476—494.

Bourdieu P. (1979) «Symbolic Power» // *Critique of Anthropology*, vol. 4, no. 13—14: 77—85.

Bufacchi V. (2005) «Two Concepts of Violence» // *Political Studies Review*, vol. 3, no. 2: 193—204. URL: <https://vittoriobufacchi.com/wp-content/uploads/2018/03/Two-Concepts-of-Violence.pdf> (accessed on 23.02.2022).

Clausewitz C. von. (1989) *On War*. Princeton: Princeton University Press.

Collier D. and S.Levitsky. (1997) «Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research» // *World Politics*, vol. 49, no. 3: 430—451.

Collins R. (2009) *Violence: A Micro-Sociological Theory*. Princeton, Oxford: Princeton University Press.

Dahrendorf R. (1958) «Toward a Theory of Social Conflict» // *The Journal of Conflict Resolution*, vol. 2, no. 2: 170—183.

DeLanda M. (1991) *War in the Age of Intelligent Machines*. New York: Zone Books.

- Dewey J. (1916) «Force and Coercion» // *The International Journal of Ethics*, vol. 26, no. 3: 359—367.
- Ellis D., H.G.Grasmick, and B.Gilman. (1974) «Violence in Prisons: A Sociological Analysis» // *American Journal of Sociology*, vol. 80, no. 1: 16—43.
- Elster J., C.Offe, U.K.Preuss, F.Boenker, U.Goetting, and F.W.Rueb. (1998) *Institutional Design in Post-Communist Societies: Rebuilding the Ship at Sea*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Galtung J. (1969) «Violence, Peace, and Peace Research» // *Journal of Peace Research*, vol. 6, no. 3: 167—191. URL: http://www2.kobe-u.ac.jp/~alexroni/IPD%202015%20readings/IPD%202015_7/Galtung_Violence,%20Peace,%20and%20Peace%20Research.pdf (accessed on 23.02.2022).
- Galtung J. (1990) «Cultural Violence» // *Journal of Peace Research*, vol. 27, no. 3: 291—305. URL: <https://www.galtung-institut.de/wp-content/uploads/2015/12/Cultural-Violence-Galtung.pdf> (accessed on 23.02.2022).
- Garver N. (1973) «What Violence Is» // Bierman A.K. and J.A.Gould, eds. *Philosophy for a New Generation*. New York: Macmillan: 256—266.
- Goffman E. (1968) *Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates*. New Brunswick, London: AldineTransaction.
- Haan W. de. (2008) «Violence as an Essentially Contested Concept» // Body-Gendrot S. and P.Spierenburg, eds. *Violence in Europe*. New York: Springer: 27—40.
- Habermas J. (1996) *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge (Mass.): The MIT Press.
- Hobbes T. (1839) *The English Works of Thomas Hobbes. Vol. 1: Concerning Body*. London: John Bohn.
- Imbusch P. (2003) «The Concept of Violence» // Heitmeyer W. and J.Hagan, eds. *International Handbook of Violence Research*. Dordrecht: Springer: 13—39.
- Jacoby T.A. (2015) «A Theory of Victimhood: Politics, Conflict and the Construction of Victim-based Identity» // *Millennium*, vol. 43, no. 2: 511—530.
- Jones L. (2010) «Power and Violence by Paul Ricoeur» // *Theory, Culture and Society*, vol. 27, no. 5: 18—36.
- Merton R.K. (1968) «Manifest and Latent Functions» // Merton R.K. *Social Theory and Social Structure*. New York, London: Free Press: 92—154.
- Nozick R. (2001) *Anarchy, State, and Utopia*. Oxford: Wiley-Blackwell.
- Pinker S. (2011) *The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has Declined*. New York: Viking.
- Rand A. (1986) «The Roots of War» // Rand A., N.Branden, A.Greenspan, and R.Hessen. *Capitalism: The Unknown Ideal*. New York: Pinguin Group — Signet: 37—45.
- Rothbard M.N. (1998) *The Ethics of Liberty*. New York, London: New York University Press.

Rucht D. (2003) «Violence and New Social Movements» // Heitmeyer W. and J.Hagan, eds. *International Handbook of Violence Research*. Dordrecht: Springer: 369—382.

Scheler M. (1916) *Krieg und Aufbau*. Leipzig: Verlag der Weissen Bücher.

Seedat F. (2013) «Islam, Feminism, and Islamic Feminism: Between Inadequacy and Inevitability» // *Journal of Feminist Studies in Religion*, vol. 29, no 2: 25—45.

Sharp G. (1973) *The Politics of Nonviolent Action*. Boston: Porter Sargent.

Sharp G. (1985) *Making Europe Unconquerable: The Potential of Civilian-based Deterrence and Defense*. Cambridge (Mass.): Ballinger Publishing.

Simmel G. (2010) «Conflict» // Simmel G. *Conflict and the Web of Group Affiliations*. New York: Free Press: 14—97.

Sørensen M.K. (2014) «Foucault and Galtung on Structural Violence» // *Irenees.net*, October. URL: http://www.irenees.net/bdf_fiche-analyse-1032_fr.html (accessed on 24.10.2021).

Tilly C. (2001) «Violence: Public» // Smelser N.J. and P.B.Baltes, eds. *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. Oxford: Elsevier: 16206—16211.

Young I.M. (2020) «Justice and the Politics of Difference» // Seidman S. and J.C.Alexander, eds. *The New Social Theory Reader*. London, New York: Routledge: 261—269.

политика

M.M.Rodionova, N.M.Smirnov
THE SHIP OF THESEUS:
TRANSFORMATIONS OF THE CONCEPT
OF VIOLENCE IN POLITICAL
AND SOCIAL THEORY

Maria M. Rodionova — M.A. in Sociology; Ph.D. Student and Assistant at the Department of Social Institutions Analysis, Research Intern at the Politics and Psychology Research Laboratory, HSE University. Email: mmrodionova@hse.ru.

Nikita M. Smirnov — B.A. in Political Science, Research Intern at the Politics and Psychology Research Laboratory, HSE University. Email: nsmirnov@hse.ru.

Abstract. The article analyzes the process of transformation of the concept of violence in the political and social theory of the 20th — 21st centuries. The authors document a tremendous growth of interest in this phenomenon despite the absence of a coherent metatheory and attempt to trace possible reasons for the appearance of the latter. For this purpose, they distinguish two analytical categories — “classic” and “new” violence — and consider both concepts in terms of the specifics of the action, the object and subject of violence, as well as the prevailing models of theoretical explanation.

Such simplification allows to trace transformations that the category of violence has gone through: the transition from a fundamentally observable action to a concealed one; from the state, group or person as subjects of violence to an impersonal structure; from capturing subject’s experience to its “loss”; from a functional explanation of violence to a dysfunctional one. According to the authors, these changes in the conceptualization of violence mean a significant expansion of the concept and a simultaneous blurring of its boundaries, which ultimately leads to the loss of its discrimination ability. After having diagnosed the reinvention of the concept, they highlight three potential solutions: to think about violence as a stable concept, in which the constitutive elements do not change, but their semantic content does; to interpret new conceptualizations of violence as additions to rather than replacements of the previous statements; and, finally, to recognize the possibility of the coexistence of several understandings of violence.

Keywords: violence, power, state, social theory, political philosophy, conceptual analysis, metatheory

References

- Acemoglu D. and J.A.Robinson. (2012) *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity and Poverty*. New York: Crown.
- Adorno T.W. (2003) *Negativnaja dialektika* [Negative Dialektik]. Moscow: Nauchnyj mir. (In Russ.)
- Agamben G. (2011) *Homo Sacer: Suverennaja vlast’ i golaja zhizn’* [Homo Sacer: II potere sovrano e la nuda vita]. Moscow: Evropa. (In Russ.)
- Agamben G. (2012) *Homo Sacer: Chto ostaetsja posle Osventsima: Arkhiv i svidetel’* [Quel che resta di Auschwitz: L’archivio e il testimone (Homo Sacer III)]. Moscow: Evropa. (In Russ.)
- Allen K.R. and F.P.Piercy. (2005) “Feminist Autoethnography” // Piercy F.P. and H.S.Douglas, eds. *Research Methods in Family Therapy*. Vol. 2. New York: Guilford Press: 155—169.
- Arendt H. (2004) *Banal’nost’ zla: Ejkhman v Ierusalime* [Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil]. Moscow: Evropa. (In Russ.)
- Arendt H. (2013a) “Nekotorye voprosy moral’noj filosofii” [Some Questions of Moral Philosophy] // Arendt H. *Otvetstvennost’ i suzhdenie* [Responsibility and Judgment]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara: 83—204. (In Russ.)

Arendt H. (2013b) “Razgovor s Gjunterom Gausom. Televizionnoe interv’ju. Oktjabr’ 1964 g.” [Ich will verstehen] // *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], vol. 12, no. 1: 3–23. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2013/06/04/1285381021/SocOboz_12_1_01_Arendt.pdf (accessed on 23.02.2022). (In Russ.)

Arendt H. (2014) *O nasilii* [On Violence]. Moscow: Novoe izdatel’stvo. (In Russ.)

Baudrillard J. (2016) *Dukh terrorizma. Vojny v zalive ne bylo* [L’esprit du terrorisme. La Guerre du Golfe n’a pas eu lieu]. Moscow: Ripol klassik. (In Russ.)

Bojanić P. (2016) *Violence et messianisme*. Milano: Mimésis.

Borochowitz D.Y. and Z.Eisikovits. (2002) “To Love Violently: Strategies for Reconciling Love and Violence” // *Violence against Women*, vol. 8, no. 4: 476–494.

Bourdieu P. (1979) “Symbolic Power” // *Critique of Anthropology*, vol. 4, no. 13–14: 77–85.

Bourdieu P. (1993) “Sotsial’noe prostranstvo i simvolicheskaja vlast’” [Espace social et pouvoir symbolique] // *THESIS*, issue 2: 137–150. URL: https://www.hse.ru/data/157/314/1234/2_2_3Bourd.pdf (accessed on 23.02.2022). (In Russ.)

Bufacchi V. (2005) “Two Concepts of Violence” // *Political Studies Review*, vol. 3, no. 2: 193–204. URL: <https://vittoriobufacchi.com/wp-content/uploads/2018/03/Two-Concepts-of-Violence.pdf> (accessed on 23.02.2022).

Clausewitz C. von. (1989) *On War*. Princeton: Princeton University Press.

Collier D. and S.Levitsky. (1997) “Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research” // *World Politics*, vol. 49, no. 3: 430–451.

Collins R. (2009) *Violence: A Micro-Sociological Theory*. Princeton, Oxford: Princeton University Press.

Coser L. (2000) *Funksii sotsial’nogo konflikta* [The Functions of Social Conflict]. Moscow: Ideja-Press; Dom intellektual’noj knigi. (In Russ.)

Dahrendorf R. (1958) “Toward a Theory of Social Conflict” // *The Journal of Conflict Resolution*, vol. 2, no. 2: 170–183.

DeLanda M. (1991) *War in the Age of Intelligent Machines*. New York: Zone Books.

Derrida J. (2004) “Nasilie i metafizika” [Violence et métaphysique] // Lévinas E. *Izbrannoe: Trudnaja svoboda* [Oeuvres choisies: Difficile liberté]. Moscow: ROSSPEN: 663–732. URL: http://www.vixri.ru/d3/Levinas%20E.%20%20_Trudnaja%20svoboda.pdf (accessed on 23.02.2022). (In Russ.)

Dewey J. (1916) “Force and Coercion” // *The International Journal of Ethics*, vol. 26, no. 3: 359–367.

Ellis D., H.G.Grasmick, and B.Gilman. (1974) “Violence in Prisons: A Sociological Analysis” // *American Journal of Sociology*, vol. 80, no. 1: 16–43.

Elster J., C.Offe, U.K.Preuss, F.Boenker, U.Goetting, and F.W.Rueb. (1998) *Institutional Design in Post-Communist Societies: Rebuilding the Ship at Sea*. Cambridge: Cambridge University Press.

Foucault M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat': Rozhdenie tjur'my* [Surveiller et punir: Naissance de la prison]. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)

Foucault M. (2004) *Nenormal'nye: Kurs lektzij, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1974—1975 uchebnom godu* [Les Anormaux: Cours au Collège de France (1974—1975)]. St Petersburg: Nauka. URL: <http://library.khpg.org/files/docs/1456766931.pdf> (accessed on 23.02.2022). (In Russ.)

Galtung J. (1969) “Violence, Peace, and Peace Research” // *Journal of Peace Research*, vol. 6, no. 3: 167—191. URL: http://www2.kobe-u.ac.jp/~alexroni/IPD%202015%20readings/IPD%202015_7/Galtung_Violence,%20Peace,%20and%20Peace%20Research.pdf (accessed on 23.02.2022).

Galtung J. (1990) “Cultural Violence” // *Journal of Peace Research*, vol. 27, no. 3: 291—305. URL: <https://www.galtung-institut.de/wp-content/uploads/2015/12/Cultural-Violence-Galtung.pdf> (accessed on 23.02.2022).

Garver N. (1973) “What Violence Is” // Bierman A.K. and J.A.Gould, eds. *Philosophy for a New Generation*. New York: Macmillan: 256—266.

Girard R. (2010) *Nasilie i svjashchenoe* [La violence et le sacré]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

Goffman E. (1968) *Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates*. New Brunswick, London: AldineTransaction.

Haan W. de. (2008) “Violence as an Essentially Contested Concept” // Body-Gendrot S. and P.Spierenburg, eds. *Violence in Europe*. New York: Springer: 27—40.

Habermas J. (1996) *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge (Mass.): The MIT Press.

Habermas J. (2007) “Teorija komunikativnogo dejstvija (fragmenty)” [Theorie des kommunikativen Handelns] // *Voprosy sotsial'noj teorii* [Issues of Social Theory], vol. 1, issue 1: 229—245. URL: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/vst/2007/habermas_2.pdf (accessed on 23.02.2022). (In Russ.)

Hobbes T. (1839) *The English Works of Thomas Hobbes. Vol. 1: Concerning Body*. London: John Bohn.

Hobbes T. (2001) *Leviafan, ili Materija, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo* [Leviathan or The Matter, Forme and Power of a Commonwealth Ecclesiasticall and Civil]. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs_Leviafan.pdf (accessed on 24.10.2021). (In Russ.)

Imbusch P. (2003) “The Concept of Violence” // Heitmeyer W. and J.Hagan, eds. *International Handbook of Violence Research*. Dordrecht: Springer: 13—39.

Jacoby T.A. (2015) “A Theory of Victimhood: Politics, Conflict and the Construction of Victim-based Identity” // *Millennium*, vol. 43, no. 2: 511—530.

Jones L. (2010) “Power and Violence by Paul Ricoeur” // *Theory, Culture and Society*, vol. 27, no. 5: 18—36.

Kantorowicz E. (2015) *Dva tela korolja: Issledovanie po srednevekovoj politicheskoj teologii* [The King's Two Bodies: A Study in Mediaeval Political Theology]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara. (In Russ.)

Kumankov A. (2020) *Vojna v 21 veke* [War in the 21st Century]. Moscow: Izdatel'skij dom Vysšej shkoly ekonomiki. (In Russ.)

LedyaeV V.G. (2001) *Vlast': kontseptual'nyj analiz* [Power: a Conceptual Analysis]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Lévinas E. (2000) *Izbrannoe: Total'nost' i beskonechnoe* [Oeuvres choisies: Totalité et infini]. Moscow, St Petersburg: Universitetskaja kniga. (In Russ.)

Locke J. *Dva traktata o pravlenii* [Two Treatises of Government]. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Lokk_Traktaty_2.pdf (accessed on 24.10.2021). (In Russ.)

Marx K. (1952) *Kapital: Kritika politicheskoj ekonomii* [Das Kapital: Kritik der politischen Ökonomie]. Vol. 1. Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo politicheskoj literatury. URL: https://istmat.info/files/uploads/59307/k_marks_kapital_tom_1_1952_g.pdf (accessed on 23.02.2022). (In Russ.)

Merton R.K. (1968) "Manifest and Latent Functions" // Merton R.K. *Social Theory and Social Structure*. New York, London: Free Press: 92—154.

Mulyava O.D. and E.G.Vapilin. (2005) "Rukoprikladstvo v armii" [Assault in the Army] // *Sotsiologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], no. 11: 53—62. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/285/937/1216/005.VAPILIN.pdf> (accessed on 24.10.2021). (In Russ.)

Nozick R. (2001) *Anarchy, State, and Utopia*. Oxford: Wiley-Blackwell.

Pinker S. (2011) *The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has Declined*. New York: Viking.

Portelli A. (2005) "Massovaja kazn' v Ardeatinskikh peshcherakh: istorija, mif, ritual, simbol" [The Massacre at the Fosse Ardeatine: History, Myth, Ritual, and Symbol] // *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture* [NZ: Debates on Politics and Culture], no. 2—3 (40—41): 243—251. (In Russ.)

Rand A. (1986) "The Roots of War" // Rand A., N.Branden, A.Greenspan, and R.Hessen. *Capitalism: The Unknown Ideal*. New York: Pinguin Group — Signet: 37—45.

Rothbard M.N. (1998) *The Ethics of Liberty*. New York, London: New York University Press.

Rucht D. (2003) "Violence and New Social Movements" // Heitmeyer W. and J.Hagan, eds. *International Handbook of Violence Research*. Dordrecht: Springer: 369—382.

Sawicki J. (2005) "Fuko i feminizm: k politike „razlichija“" [Foucault and Feminism: Toward a Politics of Difference] // Shanley M.L. and C.Pateman, eds. *Feministskaja kritika i revizija istorii politicheskoj filosofii* [Feminist Interpretations and Political Theory]. Moscow: ROSSPEN: 297—315. (In Russ.)

- Scheler M. (1916) *Krieg und Aufbau*. Leipzig: Verlag der Weissen Bücher.
- Schmitt C. (1992) “Ponjatje političeskogo” [Der Begriff des Politischen] // *Voprosy sotsiologii* [Sociological Issues], vol. 1, no. 1: 35–67. (In Russ.)
- Schmitt C. (2007) *Teorija partizana* [Theorie des Partisanen: Zwischenbemerkung zum Begriff des Politischen]. Moscow: Praxis. URL: <http://library.khpg.org/files/docs/1465130651.pdf> (accessed on 23.02.2022). (In Russ.)
- Seedat F. (2013) “Islam, Feminism, and Islamic Feminism: Between Inadequacy and Inevitability” // *Journal of Feminist Studies in Religion*, vol. 29, no 2: 25–45.
- Sharp G. (1973) *The Politics of Nonviolent Action*. Boston: Porter Sargent.
- Sharp G. (1985) *Making Europe Unconquerable: The Potential of Civilian-based Deterrence and Defense*. Cambridge (Mass.): Ballinger Publishing.
- Simmel G. (2010) “Conflict” // Simmel G. *Conflict and the Web of Group Affiliations*. New York: Free Press: 14–97.
- Sørensen M.K. (2014) “Foucault and Galtung on Structural Violence” // *Irenees.net*, October. URL: http://www.irenees.net/bdf_fiche-analyse-1032_fr.html (accessed on 24.10.2021).
- Tertullian Q.S.F. (1994) *Izbrannye sochinenija* [Selected Works]. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Tilly C. (2001) “Violence: Public” // Smelser N.J. and P.B. Baltes, eds. *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. Oxford: Elsevier: 16206–16211.
- Weiss M. and H. Hassan. (2016) *Islamskoe gosudarstvo: Armija terrora* [ISIS: Inside the Army of Terror]. Moscow: Al’pina non-fikshn. (In Russ.)
- Young I.M. (2020) “Justice and the Politics of Difference” // Seidman S. and J.C. Alexander, eds. *The New Social Theory Reader*. London, New York: Routledge: 261–269.
- Žižek S. (2010) *O nasilii* [Violence]. Moscow: Evropa. (In Russ.)